

Афанасьевский В. Л.

ТЕМА ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/10-2/5.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по данному вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 10 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 17-20. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Billard J. *Traité d'une éducation civique*. – Paris, 1990. – P. 9-11.

Billard J. *Traité d'une éducation civique: à destination des maîtres*. – Paris: NATHAN, 1990. – 256 p.

Conseil de l'Europe. *Education civique. Document CDCC*. – Strasbourg, 1993. – 58 p.

ТЕМА ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Афанасьевский В. Л.

Самарский государственный экономический университет

В последнее десятилетие все чаще в социально-гуманитарной литературе встречается термин «повседневность». Презираемая ранее философами как неистинная, повседневность сегодня становится объектом и философской рефлексии. Пришедший к нам из обыденного словоупотребления, этот конструкт позволяет «схватить» субъективность – главное, что отличает человека от всех других существ. Это понятие дает возможность преодолеть жесткую субъект-объектную дихотомию и отобразить мир изнутри той или иной человеческой ситуации. И сегодня выражение «повседневность», бывшее ранее просторечным, все более и более претендует на статус философской категории [Касавин, Щавелев 2004: 21]. Так что же следует понимать под повседневностью? На этот счет существует множество точек зрения. Наиболее значимые концепции повседневности хотя и различаются между собой, но все же имеют много сходного в понимании этой проблемы. Все исследователи так или иначе согласны с тем, что повседневность представляет собой особую сферу опыта. Так, Э. Гуссерль отождествлял отчасти жизненный мир с миром нашего повседневного опыта, наивной субъективности, то есть с миром естественной установки, предшествующей научной объективности.

С точки зрения основателя феноменологической социологии А. Шюца, повседневность – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности, обладающая рядом характеристик, среди которых уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий, что, собственно, и есть естественная установка [Руткевич 1993: 49–50].

Вслед за Э. Гуссерлем и А. Шюцем современные исследователи повседневности подчеркивают: «В рамках социальной феноменологии жизненный мир предстает как всеохватная сфера человеческого опыта, ориентаций и действий, посредством которых люди осуществляют свои планы, дела и интересы, манипулируя объектами и общаясь с другими людьми» [Смирнова 2004: 1040]. Е. В. Золотухина-Аболина так и назвала свою книгу: «Повседневность и другие миры опыта» [Золотухина-Аболина 2003]. Итак, повседневность есть мир опыта.

Большой вклад в изучение повседневности и ее определение внесли историки. Прежде всего, конечно, Фернан Бродель, с именем которого и связана непосредственно тематизация проблемы повседневности в историческом познании. Он обращал внимание на то, что условия повседневного существования человека, тот культурно-исторический контекст, на фоне которого разворачивается жизнь человека, его история, оказывают определяющее влияние на поступки и поведение людей. Новое слово в исследовании повседневности принадлежит немецкому социологу Норберту Элиасу, а также французской исторической школе, сложившейся вокруг журнала «Анналы», организованного Марком Блоком и Люсьеном Февром. Они изучали особенности сознания не выдающихся исторических личностей, а массового «безмолвствующего большинства» и его влияние на развитие истории и общества. Они исследовали и ментальность обычных людей, их переживания, и материальную сторону повседневности – социальное пространство, мир вещей.

Н. Элиас первый попытался дать определение повседневности через ее сопоставление с неповседневным. Этот способ определения и сейчас актуален, его активно используют ученые. В 80-е годы XX века в Германии интенсивно развивалась история повседневности. Ученые-историки пытались описать и определить термин «повседневность». Их идеи оказали существенное влияние на дальнейшее его исследование не только в исторической, но и в других науках. Немецкая исследовательница истории повседневности Агнес Хеллер подчеркивала, что главное в повседневности – это индивидуальное воспроизводство. По ее определению, «повседневная жизнь есть совокупность деятельности индивидуумов по их воспроизводству, которые соответственно создают условия и для общественного воспроизводства» [Heller 1978: 250]. Ее идеи были развиты и дополнены другими историками (в частности, П. Боршайдом), и в результате был сделан вывод о том, что повседневность – это мир всех людей, в котором должны исследоваться не только материальная культура, питание, жилье, одежда, но и повседневное поведение, мышление и переживания.

С точки зрения Ю. Хабермаса, повседневный жизненный мир – это некий фон, в котором находятся коммуникативно действующие индивиды. Что же представляет собой этот фон? Это запас «образцов толкования», передаваемый при помощи культурных традиций и организуемый языком.

Повседневность – это целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности», – писала виднейшая исследовательница повседневности Н. Н. Козлова [Козлова 2001: 254–255].

Другой философ повседневности, Б. В. Марков, характеризует ее так: «Слово “повседневность” обозначает само собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономию в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству» [Марков 1999: 291]. На других страницах своей работы Марков подчеркивает, что повседневность – это привычки, стереотипы, правила, мышление и переживания людей, но также и их поведение, деятельность, регулируемая нормами и социальными институтами [Марков 1999: 129–130]. В повседневном субъективное переживание противопоставляется объективным структурам и процессам, типические практические действия – индивидуальным и коллективным деяниям, подвижные формы рациональности – идеальным конструкциям и точным методам.

Интересен подход В. Н. Сырова, который обращает наше внимание на то, что повседневность есть, прежде всего, именно способ конституирования реальности. Это особый код, который возникает в сознании индивида при необходимости практически решить ту или иную проблему. Он подчеркивает, что код повседневности отвечает на вопрос «как?» и основная функция повседневности – это адаптация (полезность). Работа структуры повседневности видится ему как совокупность процедур конфигурации и реконфигурации. Тем самым повседневность предстает в виде своеобразной машины по производству значений, созданию и преобразованию всевозможных объектов [Сыров].

На функциональный характер повседневности также указывают И. Т. Касавин и С. П. Щавелев. В выводах своей монографии они пишут: «Субстанциональная фрагментарность повседневности объясняется ее функциональным характером. Повседневность – диспозиционный предикат, феномен, актуализирующийся в определенных условиях и неразличимый в других. Повседневность скрепляет собой разные типы сознания, деятельности и общения, существуя лишь в промежутках между ними» [Касавин, Щавелев 2004: 414].

В пользу сходства многих концепций повседневности свидетельствует и то, что большая часть авторов признает ее первичной реальностью, она представляет собой заранее данную почву всякого опыта, как это следует из гуссерлевского понимания повседневного жизненного мира. Мартин Хайдеггер при всем своем отрицательном отношении к повседневности неоднократно подчеркивал, что она есть «изначальный способ бытия здесь-бытия», то есть истинного бытия; и что «многое мы впервые узнаем в модусе повседневной истолкованности, и есть немало такого, что никогда не поднимается над повседневным посредственным уразумением» [Хайдеггер 1993: 33]. Конечно, уместно здесь упомянуть А. Шюца, считавшего основой социальной реальности «жизненный мир, т. е. мир донаучной естественной установки, ту интуитивную среду, где мы как человеческие существа среди себе подобных переживаем культуру и общество» [Shutz 1962: 10]. Известно также, что он называл повседневность верховной реальностью.

Наличие в качестве необходимых компонентов повседневности знания отмечают все авторы, причем это знание обладает своей спецификой. Как правило, это знание не об отдельных объектах, а о ситуации в целом, знание типизированных ситуаций и способов их интерпретации по А. Шюцу, или «образцов толкования» по Ю. Хабермасу. Субъекту такое знание кажется чем-то само собой разумеющимся, изначально данным, хотя на самом деле оно представляет собой сложный результат конституирующей деятельности сознания.

Многие, рассматривая повседневный жизненный мир, среди важнейших его характеристик называют такую, как понимание. Ю. Хабермас подчеркивает тесную связь жизненного мира с процессами «понимания», в которых он «концентрируется». По Хайдеггеру, здесь-бытие связывается с миром посредством настроенного понимания, хотя в модусе повседневности обнаруживает дефицит этого понимания. С позиции феноменологической социологии, понимание непременно наличествует в повседневности. А. Шюц даже специально обосновывает возможность понимания посредством двух основных идеализаций. Интерессубъективный характер повседневности признается всеми.

Хотелось бы подчеркнуть, что понимание достаточно специфично. Понимание повседневности есть узнавание, то, что у А. Шюца является определением ситуации. Знание-понимание повседневности ситуативно, прагматично, ему недостает рефлексии, повседневное знание не эксплицировано.

Повседневность является такой сферой опыта, которая формируется на основе практической деятельности – труда. А. Шюц прямо на это указывает. Даже у Хайдеггера «Dasein» как модифицированная повседневность – это мир озабоченного делания, способ, посредством которого существует здесь-бытие. У Ю. Хабермаса труд наряду с языком входит в триаду культурных универсалий, характеризующих общество. Воспроизводство символического содержания повседневного жизненного мира, по Ю. Хабермасу, поддерживается материальным воспроизводством, которое совершается в «медиуме» целерациональных действий. В феноменологии Э. Гуссерля жизненный мир непосредственно не связывается с трудом, но подчеркивается, что субъективность жизненного мира проявляется в модусе практики, целей, потребностей, интересов.

Понятие повседневности, повседневного жизненного мира отражает не только сам субъект, его интеллектуальную направленность на предметы, но мир, на который она направлена. Объективный мир включается в понятие повседневности, но не сам по себе, а взятый со стороны субъекта, увиденный его глазами, освещенный его смыслом. Этот мир в конструкте повседневности предстает как фон, горизонт, мир, в кото-

рый мы «вживаемся как исторически живущие существа», как коррелируют интенционально действующей субъективности.

При видимой разнице в понимании и определениях повседневности хотелось бы обратить внимание на их сущностное сходство и взаимную дополнительность. Повседневность сложна и многообразна в своих проявлениях, трудно выразить ее в одном определении. Это, по сути, есть форма жизни. Понятие формы жизни еще в 1922 году было введено психологом Э. Шпрангером для обозначения способа ценностной ориентации человека в процессе познания мира. Впоследствии наиболее активно его использовал Л. Витгенштейн в поздних работах для обоснования своей концепции языковых игр. Формы жизни – это специфические формы человеческой активности, например языковой, подчиняющиеся определенным правилам. В каждой форме жизни устанавливается свой критерий «следования правилам». Формы жизни – «протофеномены» любой культуры и в то же время этапы естественной (биологической) истории человека [Грязнов 1991: 354].

Повседневность есть такая форма жизни, главная направленность которой заключается в сохранении и воспроизводстве жизни индивида и общества. Понятно, что критерием следования правилу в данной форме жизни является адаптация, полезность. Особый код (схемы-типизации повседневности) возникает в сознании индивида при необходимости решить ту или иную практическую проблему, он отвечает на вопрос «как?». Индивиду приходится прибегать к особому способу конституирования реальности, состоящему в совокупности процедур конфигурации и реконфигурации, создавая и преобразовывая в сознании всевозможные объекты.

Откуда же берется этот повседневный код, при необходимости всплывающий в сознании индивида? Из не замечаемого нами естественного, самоочевидного фона, являющегося необходимым условием нашей деятельности. Что же представляет собой этот фон? Это и есть обычаи, привычки, образцы толкования, особенности восприятия, мышления и переживания людей. В повседневной жизни мы мыслим, воспринимаем мир, радуемся, плачем, переживаем в соответствии с традициями и сформированными в нас привычками и стереотипами. И все это в своем основании имеет естественное желание жить, выжить, сохранить себя и свой мир, воспроизвестись для дальнейшей жизни. По мнению А. Хеллер, так как никакой одиночка и никакое общество не может жить без своей репродукции, то в каждом обществе существует повседневная жизнь [Heller 1978]. Таким образом, главными функциями повседневности являются сохранение, выживание, воспроизводство человека и общества, что и делает ее социогенетическим процессом цивилизации.

Еще А. Шюц говорил, что повседневность – это одна из конечных областей значений, поэтому логично согласиться с точкой зрения В. Н. Сырова, утверждающего, что «голос» повседневности в сознании индивида звучит как один из многих голосов хора и в определенных ситуациях ориентирует человека на полезность, адаптацию, решение конкретных прагматических задач. И вполне плодотворным в связи с этим представляется сравнение действия механизмов повседневности в сознании индивида с кантовским категориальным комбинационным бессознательным, с конечностью порядка, который сам этого не осознает [Сыров]. Повседневная жизнь не может существовать как нечто совершенно отдельное от неповседневной. Они существуют рядом друг с другом как лицевая и оборотная сторона. Повседневность – это дифференцирующее понятие, в котором одно отделяется от другого. Повседневное – это привычное, упорядоченное, близкое. В противоположность повседневному неповседневное существует как непривычное, вне обычного порядка, находящееся далеко. Что же может быть необычного в, казалось бы, хорошо знакомом нам мире? Неповседневным является все, что относится к моментам возникновения, преобразования, опасности уничтожения жизненного порядка, а именно войнам и революциям, возникновению Вселенной и природным катастрофам, часто встречающимся сегодня крупным авариям, болезни, смерти, полетам воображения и другим необычным психологическим состояниям.

Каждый имеет свою повседневность. Субъектом повседневности может выступать и отдельный индивид, и любая социальная общность; это может быть и жизнь китайских мандаринов, и европейских интеллектуалов. Следует отметить, что есть общая повседневность, а есть Я-повседневность, повседневность индивида, которая связана с общей, детерминирована ею, но все же у каждого своя повседневность, слово «свой» вообще одно из ключевых в дискурсе о повседневности. Виднейший исследователь повседневности Б. Вальденфельс подчеркивал: «Человек должен изобретать порядок, создавать свой мир» [Вальденфельс 1991: 42].

В данном контексте имеет смысл рассмотреть соотношение между понятиями «повседневность» и «жизненный мир», которые в философских и социологических текстах, в том числе и в данной статье, используются если не как синонимы, то как весьма близкие по смыслу и значению. Истоки смешения этих понятий восходят к текстам Э. Гуссерля и А. Шюца. Ни тот ни другой не проясняли соотношение между ними. В строгом смысле все же нужно их различать. «Повседневность – это мир, в котором человек родился, живет и к которому вынужден прилаживаться». Человек, рождаясь, еще не попадает в свою собственную повседневность. Входя в этот мир, он застаёт повседневность Другого, ничего, по сути, не зная о своей собственной; точнее, ее просто нет, кроме повседневности выполнения самых общих витальных действий. Человек просто не может родиться в своей собственной повседневности, но попадет при этом именно в свою жизнь, хотя прожить ее может по меркам чужой повседневности. Таким образом, нужно различать Я-повседневность и повседневность мира, в которую это Я встроено.

На необходимость различения понятий «повседневность» и «жизненный мир» указывают и такие авторы, как И. Т. Касавин и С. П. Щавелев. По их мнению, первое (то есть повседневность) – узкая, фрагментар-

ная, функциональная область; второе (жизненный мир) – предельно широкий горизонт бытия, интегральная структура мира [Касавин, Щавелев 2004: 414].

Повседневность каждого человека является только частью его же жизненного мира. Если повседневность предполагает выполнение различного рода действий – от бытовых до специальных, так сказать на уровне динамического стереотипа, то жизненный мир виртуально содержит в себе всякого рода неожиданности и нередко предполагает поиск нестандартных решений. Понятие жизненного мира шире по объему. Жизненный мир включает в себя повседневность человека как часть. Понятие «жизненный мир», взятое как единое, содержит в себе все многообразие как реализованных, так и не реализованных понятий человеческой жизни. Оно представляет собой некое множество жизненных миров. Каждое Я присутствует в нескольких жизненных мирах, обладающих своими особенностями: мир мужчины, мир отца, мир преподавателей философии, мир любителя классической литературы. Эти миры могут находиться в различных отношениях – подчинения, пересечения, соподчинения, противоположностей и т. д.

Каждый жизненный мир содержит в качестве своих частей зоны повседневности и зоны неповседневности, поэтому можно утверждать, что повседневностей, как и неповседневностей, столько же, сколько жизненных миров. Особенности каждого мира повседневности задаются фундаментальными принципами соответствующего жизненного мира, но не сводятся к ним, ибо жизненный мир содержит инновационные моменты, чего в принципе не может содержать мир повседневности; в этом смысле повседневность направлена на сохранение и поддержание уже апробированного опыта, она консервативна и не склонна к радикальным изменениям [Любимов 1999: 127–128].

Наиболее характерными, проясняющими повседневность являются следующие черты. Во-первых, обнаруженное еще А. Шюцем бодрствующее внимание, постоянная концентрация на том или ином фрагменте реальности. Во-вторых, субъектоцентризм или даже «я»-центризм, то есть исследование ведется с позиций данного субъекта, точкой отсчета служит его здесь-и-сейчас, рассмотрение идет изнутри его ситуации. Моя субъективность – центр моей повседневности. Тесно связанными с «я»-центричностью являются два других момента – телесность и прагматическое целедостижение. Для повседневности характерны повторяемость, стереотипность, а также связанная с ними понятность происходящего. Стереотипность повседневности – это условие коммуникации. Жизнь понятна потому, что она стереотипна. Поведенческие матрицы и схемы облегчают социокультурное взаимодействие [Золотухина-Аболина 2003: 33–34]. Следующим важным моментом повседневности выступает ее интересубъективность. Коммуникация является не просто значимой составляющей повседневного жизненного мира, но и способом его существования. Повседневность – это общая для нас всех реальность, она существует в постоянно возобновляемом контакте людей, ее составляющие – человеческие смыслы. Социальный мир, в котором мы живем, конституируется согласованно действующими людьми. Главнейшим сущностным свойством человека является его субъективность, которая, находясь внутри, интенционально направлена вовне, стремится выйти наружу.

М. М. Бахтин утверждал, что у человека нет внутренней территории, он всегда на пороге, на границе. Для того, что я обозначаю понятием «повседневность индивида», это является выражением его сути. Повседневность человека – это и есть его внутренний жизненный мир, объективированный вовне. Повседневность – это мой мир, это близкое, родное, свое, обычное, привычное и т. п. Вот то, что рядом с моим здесь-и-сейчас, это мой жизненный мир, чуть подальше – тоже моя повседневность; границы, где она кончается, размыты, неизвестны.

Список литературы

- Вальденфельс Б.** Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос: Социология, антропология, метафизика. - Вып. 1. - М., 1991. - С. 42.
- Грязнов А. Ф.** Формы жизни // Современная западная философия: Слов. - М., 1991. - С. 354.
- Золотухина-Аболина Е. В.** Повседневность и другие миры опыта. - М., 2003.
- Касавин И. Т., Щавелев С. П.** Анализ повседневности. - М., 2004. - С. 21.
- Козлова Н. Н.** Повседневность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. - Т. 3. - М., 2001. - С. 254–255.
- Любимов Г. П.** Понятия «жизненный мир» и «повседневность» // Научная рациональность и структуры повседневности: Тез. науч. конф., Санкт-Петербург, 22–23 нояб. 1999 г. - СПб., 1999. - С. 127–128.
- Марков Б. В.** Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. - СПб., 1999. - С. 291.
- Руткевич Е. Д.** Феноменологическая социология знания. - М., 1993. - С. 49–50.
- Смирнова Н. М.** Альфред Шюц на книжной полке // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. - М., 2004. - С. 1040.
- Сыров В. Н.** О статусе и структуре повседневности: методологические аспекты [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/Syrov_12.htm
- Хайдеггер М.** Работы и размышления разных лет. - М., 1993. - С. 33.
- Heller A.** Das Alltagsleben // Heller A. Materialien zur Soziologie des Alltags. - Kuhn, 1978. - S. 250.
- Shutz A.** Constructs of Thought Objects in Common Sense Thinking // Shutz A. Collected Papers. - The Hague, 1962. - Vol. 1. - P. 10.